кают в 1820-х годах (7) «Разлука» Ф. Глинки («с богемского», на смерть милой), (9) «Слезы» Вяземского, (8) «Пленный грек в темнице» Козлова («Родина святая, Край прелестный мой...»), (13) «Детство» Шкляревского («Пурпуром пылает Облаков гряда; Ласково сияет Вечера звезда...» — контаминация нескольких стихотворений Маттисона, из которых, однако, ни одно не написано 3-стопным хореем). Таким образом, на этой ступени уже накапливаются такие мотивы как и «отдохни», и «смерть», и «вечер», и «родина», и «детство». Можно считать, что для лермонтовских «Горных вершин» почва уже отчасти подготовлена.

Лермонтовское восьмистишие (15) появляется в 1840 г. Самое любопытное в нем — заглавие «Из Гете». Дело в том, что «Ночная песня странника» Гете, как известно, написана не 3-стопным хореем, а вольным дольником. Лермонтовский размер подсказан, во-первых (мы уже можем это утверждать), самим словом «песня», во-вторых, ритмом первой строки Гете «Über allen Gipfeln...», в-третьих, тем, что последние две строки Гете «Warte nur — balde Ruhest du auch» в переводе как бы «сами собой» укладывались в 3-стопный хорей. Собственно, только эти три строки и являются у Лермонтова настоящим переводом; остальное — его собственные вариации на тему Гете.

Одним из первых откликов на лермонтовское «Из Гете» было (25) плещеевское «Из Рюккерта» (1844 г., очень далекая контаминация стихотворений «Abendlied» и «Waldandacht», последнее — 3-стопным хореем): «Тени г о р высоких На воду легли... Весело выходит Странник утром в путь, Но под вечер дома Рад бы о т д о х н у т ь». Другим может считаться (30) «Новгород» Губера (рукописная дата — 1842 г.): «...Новгород Великий Тихо о п о ч и л ... Путник... з а д р е м л е т, Тайной думы полн». Но главными преемниками Лермонтова в 1840-х годах становятся Фет и Огарев.

Фет прямо ориентируется на Лермонтова: это видно из того, что два первых его стихотворения нашим размером — восьмистишия: (26) «Чудная картина, Как ты мне родна...» (1842 г.: лермонтовский южный пейзаж замещается северным, снежным) и (28) «Облаком волнистым Пыль встает вдали...» (1843 г.: тема «смерти» смягчается в тему «разлуки»); а третье (27) «Колыбельная песня сердцу» (1844 г.: «Сердце, ты, малютка, Угомон возьми...» — самая развернутая вариация на тему «отдохни») скрещивает влияние лермонтовских «Горных вершин» с лермонтовской же «Казачьей колыбельной песней». Потом к этому добавились (29) «Заревая вьюга Все позамела...» (1855) и два стихотворения на сплошных женских рифмах: «С п и : еще зарею...» и «В дымке-невидимке...» — тоже грустные пейзажи, луна и сон.

Если Фет развернул в лермонтовском размере русский пейзаж, то Огарев сделал следующий шаг: развернул русский быт. В том же 1842 г. появляется его (17) «Изба» («Небо в час дозора Обходя, луна Смотрит сквозь узора Мерзлого окна...» и далее: с п и т дед, улеглася мать, засыпают дети, лишь борется с дремотой молодая дочь); его же «Дорога» (1841 г., со сплошными женскими рифмами) стала образцом для подражания Михайлова (41) (с воспоминанием о родном доме) и для пародии Розенгейма (47).

Выделившиеся две темы — пейзаж и быт — предстояло связать и уравновесить. Это можно было сделать двояко: подчинить их единому настроению или, напротив, развести в контраст. Первый путь был легче, и его испробовали дружно: результатом явилась серия стихотворений, единообразно исходящих из фетовского «Чудная картина!..» и почти нарочито перекликающихся друг с другом: (31) Жадовская, 1848 г. (напечатано в 1857 г.) «Г р у с т н а я к а р т и н а! Облаком густым...»; (49) Минаев, 1858 г.: «Г р у с т н а я к а р т и н а! Степь да небеса...» (Минаев в это время еще не определился как юморист, и его стихотворение кажется не пародией, а «доработкой» стихотворения Жадовской); (19) Плещеев, 1860 г.: «С к у ч-